

Цветные сны Леонида Щемелева

Его творчество словно исповедь
израненной и одновременно счастливой души.
К столетию народного художника БССР

Он разлюбил Шагала, как только того воздвигли на пьедестал. Ревновал, когда в родном Витебске без восторга приняли его очередную выставку: «Ну что ты поделаешь, когда там Шагал, а тут Щемелев. Кто он такой? С Шагалом сравниться захотел?». Но именно Щемелев чуть ли не единственный из Белорусского союза художников в 1994 году поддержал идею первого международного шагаловского пленэра.

Леонид Щемелев. 2007 год

«В то время, когда я развивался, и Пикассо, и Шагал – это был звон, – вспоминал художник в одном из последних интервью. – Это же люди, которые имели всемирное значение. Я все это видел, смотрел, и нравилось самому мне».

Где видел? Неужели в Витебске, где перед самым его рождением расцвел диковинный цветок супрематизма и выставлялся весь мировой авангард?

Но к моменту его прихода на свет УНОВИС («Утвердители нового искусства») в полном составе отбыл в Питер. Еще раньше перебрался в Москву Марк Шагал, а основанное им Витебское народное художественное училище стало называться техникумом, и заправляли в нем люди совершенно иного покроя.

Какое отношение это имело к Щемелеву?

Самое прямое. Воздух Витебска мощно повлиял на его становление. «Учитель, который был у меня в первом классе, не был художником, но до революции преподавал, – вспоминал Щемелев много лет спустя. – Он поощрял само рисование, отношение, но никого не хвалил. Четыре года я был под его влиянием».

Как его звали, нам неизвестно. Зато мы знаем, с кем Щемелев занимался потом. Юдель Пэн – учитель Шагала – не смирился с новыми порядками в художественном училище и предпочел преподавать у себя дома. Весь город знал, что дверь в его скромную квартиру-мастерскую на улице Гоголя никогда не запирается. Молодежь относилась к нему, как к святому. Однажды в эту дверь вошел 13-летний Леня Щемелев. «Маэстро даже посмотрел мои рисунки и сказал: хорошо, но надо еще много учиться», – вспоминал он спустя годы. И многолетие, как будто дальнейших встреч не было.

До последних дней Леонид Дмитриевич не решился публично признаться в том, что в юности учился у Пэна. Слишком долгой, тяжелой и непроницаемой была завеса запретности. Жаль, что их общение продолжалось меньше года. 28 февраля 1937 года между 18 и 20 часами 83-летний Пэн был зарублен топором у себя в квартире.

Можно лишь представить, как пережил гибель учителя 17-летний парень. Казалось, на его дальнейшей учебе поставлен жирный крест. «Хотел поступить в художественное училище, – горько сетовал он. – Пришел Лев Маркович Лейтман, потом я с ним встречался после войны. Говорит: слушай, если все будут художниками, что будет такое?!».

«Маэстро даже посмотрел мои рисунки и сказал: хорошо, но надо еще много учиться».

Встретятся они в Минском художественном училище, где Лейтман станет завучем, а Щемелев – студентом. Но это случится десять лет спустя.

А в конце 1930-х будущий художник успешно оканчивает фабрично-заводское училище обувщиков и трудится на фабрике «Красный Октябрь». При его редкостных способностях он мог стать мастером золотые руки и снимать мерки у жен секретарей обкома партии. Наверное, такая жизнь была бы комфортнее и прибыльнее, но... Грянула война, разрушившая предуказанный жизненный порядок, закалившая характер и не оставившая места для уютных мечтаний.

С матерью Агафьей Венедиктовной в Витебске после демобилизации. 1947 год

«Вставай, страна огромная!»

Познавать войну Щемелев начал с первых фашистских авиабомб, которые 23 июня 1941 года упали на Витебск.

Беспомощные, растерянные, Леонид с матерью и беременной сестрой бесслезным застывшим взглядом провожали отца – кадрового офицера, который в составе железнодорожного батальона, без оружия, с узелком за плечами уходил защищать город в направлении Суражского шоссе. «Ждите, скоро вернусь», – бросил он. Но не вернулся.

Что с ним стало на той страшной войне? Когда во время Первой мировой Дмитрий Алексеевич очутился в германском плену, его – раненого русского унтера – лечили и кормили, а в 1919 году обменяли, тем самым подарив ему возможность жениться, родить детей, реализоваться в мирной жизни. Теперь же он кадровый офицер, другая война и другие немцы. В первые дни фашистского нашествия угодил в «котел»? Или без вести пропал?

Семья еще несколько дней оставалась в Витебске. Слушали 3 июля выступление Сталина и грезили, что худшего не случится: Красная армия удержит город. Надежды таяли с каждым днем и часом, нарастала паника, за эвакуацией населения

Леонид и Светлана Щемелевы прожили в счастливом браке почти полвека. 1977 год

установили самый жесткий контроль. И о, чудо! Лёня выбил-таки пропуск на выезд для себя, матери и сестры.

Но это только начало. Под Рудней их эшелон разбомбили. Живые хоронили мертвых. Как в страшном сне наблюдал паренек за высадкой фашистского десанта: «Парашюты разноцветные, а фигурки под ними зловеще-черные, словно сама смерть спускалась с небес. Парашютисты обстреляли нас с воздуха, пули свистели где-то близко, но, к счастью, не зацепили».

Дальше полуторка – товарняк – Москва, оглашаемая сиренами воздушной тревоги, клуб мукомолов у Казанского вокзала, где они ненадолго находят приют. Но в Москве оставаться нельзя, надо двигаться дальше. Поразительно, что посреди этого ужаса будущий художник пытается прорваться в Третьяковку, но ее стерегут часовые. Тогда он со всех ног мчится на ВДНХ...

И вот конечный пункт эвакуационных мытарств – город Семенов, затерянный в лесах к северо-востоку от Горького. Тут Леониду повезло устроиться на чугунолитейный завод, где производили знаменитые осколочные гранаты Ф-1, и вместе с другими призывниками тренироваться с допотопной трехлинейной винтовкой Мосина.

В декабре 1941-го грянул приказ о мобилизации парней 1923 года рождения. «В полковой школе на краю Марийской АССР, где шло формирование войск, меня выучили на командира», – лаконично

и бесстрашно вспоминал Щемелев в одном из газетных интервью.

Даже в разгар войны понадобился целый год, чтобы стать сержантом. Муштровали по полной программе, а из еды только капуста, свекла, 650 граммов водянистого хлеба на день.

– Так в 19 лет я, совсем невоенный человек, стал командовать отделением пехотинцев, – рассказывал художник. – Пехота – царица полей. Добавлю: царица топких болот и непролазных лесов. В первые месяцы войны пехота гибла сотнями, тысячами.

Что спасло его тогда? Удача? Богатырское здоровье? Довоенные занятия спортом? Или умение видеть, думать, анализировать? «Я понял: надо освоить солдатское дело. Кто научился окапываться, слушать приказы командира, не лезть на рожон, а где надо, то и лезть, тот, глядишь, и уцелеет, будет бить врага и дальше», – излагал он свою философию войны.

«Тогдашний замминистра мне так прямо заявил: „Что ты тут намалевал? Что это за генерал?!“».

Рассказывал о своем тяжелом ранении 6 октября 1943 года в боях за освобождение Мозыря:

– Левая рука висела, как плеть, но врачам удалось ее спасти. Там, в госпитале, со мной лежал кавалерист, который начинал войну еще со Львом Доватором. Ох, как мне захотелось в кавалерию! Написал письмо – перевели. Так что войну я закончил на юге Украины в кавалерийском корпусе.

Генерала Льва Доватора он изобразит на знаменитом полотне, которое в 1975 году удостоилось серебряной медали ВДНХ СССР.

– Но когда я написал эту картину, тогдашний замминистра мне так прямо заявил: «Что ты тут намалевал? Что это за генерал?! Это же какой-то потрох!» – усмехался художник.

Зная автобиографичность картин Щемелева, кто-то из журналистов присочинил, якобы тот служил у Доватора в полку. Полнейшая ерунда! Бесстрашный генерал, уроженец Витебщины был скошен пулеметной очередью в боях под Рузой 19 декабря 1941 года – как раз в те дни, когда будущий художник принимал присягу.

Леонид Щемелев. Генерал Лев Доватор. Фрагмент.
Холст, масло. 1976 год

Повоевать в кавалерии Щемелев не успел, но только чудо спасло его от смерти. В начале 1945 года их 2-ю кавалерийскую бригаду перебросили в район города Ровно, сформировав из ее состава так называемую группу сорока пяти, в которую входил и сержант Щемелев. Задача стояла очищать леса от засевших там немцев, а главное – уничтожать летучие бандеровские отряды, которые развернули настоящую войну против советской власти. Но перед самым маршем в направлении Карпат его свалила тропическая малярия. Беспамятство, температура под сорок... Группа ушла без него, и судьба ее до сих пор неизвестна.

Рембрандт. Урок анатомии доктора Тульпа. 1632 год.
Холст, масло. Маурицхейс, Гаага

Войну Щемелев закончил живой и здоровый, с двумя орденами Отечественной войны: первой и второй степеней. Казалось бы, идеальная стартовая площадка в мирной жизни. Но как же трудно он одолевал гравитационную силу обстоятельств!

Рембрандт и кони

– Где-то в районе восьми лет у отца была очень сильная ангина, – рассказывала в одном из интервью дочь художника Маргарита Щемелева. – Пришел доктор – а на стене висела копия картины Рембрандта «Урок анатомии доктора Тульпа» – и спрашивает: кто это рисовал? Бабушка в ответ: это Леня. Доктор погладил его по волосам и говорит: берегите эту светлую голову, он будет художником.

Под впечатлением этих слов я вдруг увидела, что знаменитая картина Щемелева «Мое рождение», написанная 42-летним мастером в 1965 году, практически повторяет композицию рембрандтовского полотна. Сходство тем более разительное, что Щемелев изобразил рождение, а Рембрандт – смерть.

Удивительно еще и то, что «Мое рождение» не имеет ничего общего с биографией художника. 5 февраля 1923 года, когда он появился на свет, гражданская война уже закончилась, и родился

Леонид Щемелев. Мое рождение. Холст, масло. 1965 год

В 2007 году к столетию со дня рождения Елены Аладовой благодарный мастер написал ее портрет, который украшает ныне коллекцию Национального художественного музея

он точно не в поле, не на ветру, не среди вооруженных людей.

Тогда о чем же это полотно?

Ключ к разгадке – история, рассказанная Маргаритой Щемелевой. Художник написал здесь рождение собственного живописного дара. Недаром в центре картины он поместил себя седовласого, в нейлоновой рубашке по моде 1960-х годов – призрак из будущего, не ощущающий в тепле своей мастерской ни порывов студеного февральского ветра, ни поземки, которая вот-вот погребет и рожицу, и ребенка.

Извечный миф о рождении героя. И война мифическая: то ли гражданская, то ли Великая Отечественная.

– Именно эта первая работа экспонировалась в 1967 году в Москве на Всесоюзной выставке и получила такие отзывы в журналах «Творчество», «Искусство» и так далее, что в Беларуси вздрогнули аксакалы наши, – рассказывал друг Щемелева художественный критик Борис Крепак.

«Мое рождение» – в полном смысле икона «сурового стиля», но, по словам Крепака, белорусский выставочный комитет ее не пропускал. Одна Аладова добилась того, чтобы эта работа попала в Москву.

Елена Васильевна Аладова – легендарный директор и воскреситель Государственного (ныне Национального) художественного музея БССР –

в искусстве разбиралась лучше любых искусствоведов. Именно она приютила в главном музее республики первое большое щемелевское полотно под названием «Свадьба», волею судеб оказавшееся на помойке.

Это его дипломная работа в Белорусском государственном театральном-художественном институте. Спустя 64 года невозможно понять, чем яркое, красочное фигуративное полотно разгневало уважаемых профессоров – автора герба БССР народного художника БССР Валентина Волкова, заслуженного деятеля искусств Владимира Суховерхова, прародителя белорусской сценографии Оскара Марикса.

Чем не угодил им брызжущий весельем и удалю народный праздник, взвившиеся в нетерпении кони и пронзительные глаза девочки на переднем плане, в которых читается и восторг, и удивление, и предчувствие счастливой женской судьбы? «Что за свадьба? Какая свадьба? Советская свадьба не может быть такой! Цвета сырые, ритма нету, люди случайно распределены, смотрят в разные стороны», – со слов Щемелева пересказывал претензии мэтров Борис Крепак.

«Первая работа экспонировалась в 1967 году в Москве на Всесоюзной выставке и получила такие отзывы... что в Беларуси вздрогнули аксакалы наши».

А может, причина в том, что Щемелев со времен училища числился белой вороной и сохранял этот «статус» чуть ли не до самой перестройки?! Ни в партию не вступил, ни профессором не стал. Если преподавал, то в Минском художественном училище, в школе-интернате имени Ахремчика, в политехе, но никак не в театральном-художественном институте.

Лед сдвинулся лишь в начале 1980-х, когда его стали выдвигать, в 1983 году – к шестидесятилетию! – удостоили звания народного художника БССР. На тот момент он был уже во всех смыслах классик.

А на заре карьеры ему светила двойка и волчий билет, и даже ректор Виталий Цвирко не мог защитить своего ученика.

Монументальное полотно «Свадьба» – дипломная работа Леонида Щемелева, написанная им в 1959 году

Но вновь вмешалось чудо.

– От полного разгрома во время дипломной защиты мою картину спас один очень влиятельный человек, благодаря чему я и получил документ об окончании вуза, – признавался позднее Щемелев.

Кто был этот сановный спаситель? Возможно, председатель государственной экзаменационной комиссии – лауреат двух Сталинских премий первой степени, президент Академии художеств СССР народный художник СССР Борис Иогансон. Московский гость настоял, чтобы Щемелеву поставили тройку. «Это был колоссальный удар по мне и по моему пониманию сути... Изменить ничего нельзя было», – сокрушался художник много лет спустя.

Кроме несправедливости, он пережил еще и предательство.

– Учился шесть лет, но когда окончил, то никто из учащихся, которые были друзьями, не поддержал, – с досадой говорил Щемелев. – Никто меня даже не пригласил на прощальный вечер. Меня выпустили, но остался след очень неприятный для меня и по отношению к друзьям, и у них, конечно, был негатив: «нейкі ён левы, той Шчамялёў».

А что же «Свадьба»? Четырехметровое полотно, в которое он вложил столько души...

– Когда-то собрались мы с ребятами выпить, и среди нас человек говорит: пойдём, мол, ко мне, есть мастерские от ТЮЗа, – со всей откровенностью

повествовал Щемелев. – И я в уголке увидел мусор и опознал свою работу. Назавтра решил зайти в музей к Елене Васильевне Аладовой: так мол и так, моя работа, нашел ее в мусорном ящике. Она молчит, а потом говорит: «Нясі сюды».

«У Щемелева именно кони создают главное настроение в картинах».

Мало того, она выплатила художнику 700 рублей гонорара, которые он потратил на первую свою мастерскую. А кони – могучие, вздыбленные, рвущиеся в небо, готовые уже скакнуть вместе с бричкой через березовую жердь, которой крестьяне по свадебному обычаю перегородили дорогу, – «разбрелись» чуть ли не по всем картинам Щемелева.

– Почти в любой его работе вы найдете изумительно выписанного коня, – улыбается легендарный экс-замминистра культуры Владимир Рылатко, частый гость в мастерской Щемелева. – Вы можете восторгаться пропорциями и движениями, чем и сам художник особенно гордился. Ведь коня, щиплет ли он траву или отдается внезапному порыву, нарисовать очень сложно. У Щемелева именно кони создают главное настроение в картинах.

Конь-душа, конь-судьба... Говорят, до войны Щемелев занимался конным спортом. Но, думаю, дело не в этом. И не в дяде-белогвардейце, которому художник в 1981 году посвятил пронзительное

«Прощание с Родиной. 1920 год», где казак в отчаянии расстается с любимым конем. Пять лет спустя Щемелев вновь возвращается к этой теме и создает полотно «На песчаной косе», где табун брошенных лошадей провожает глазами уплывающий в море корабль.

Но дядя Василий Алексеевич вряд ли кавалерист, иначе был бы ротмистром, а не штабс-капитаном. По всей вероятности, он затонул на баржах в Черном море вместе с большинством денкикинских войск, а посвященные ему полотна – поэтическая метафора, образ расставания, невозвратимости, жертвенности, разлуки, смерти.

Такова художническая природа Щемелева. Он не живописал события. Сколько ни напрягай зрение, не увидишь в его картинах ни крупинки рассудочного, скучного реализма. Сновидец – да. Классик – но современный. Романтик – но мужественный и в этом смысле суровый.

Невыносимое счастье бытия

Художник считал себя счастливым человеком. С удовольствием цитировал Джека Лондона: «Я прожил очень счастливую жизнь. Мне повезло больше, чем миллионам людей моего поколения. Пусть я много страдал, зато я пережил, повидал и чувствовал многое, что не дано обычному человеку».

Бесспорно, повезло ему на встречу с женщиной, которая стала его добрым ангелом, женой, моделью, музой и главным источником вдохновения.

Щемелев на тот момент только отпраздновал свое сорокалетие. Он был женат, она замужем.

– Это было советское время, были определенные устои, – вспоминала Светлана Николаевна в одном из телевизионных интервью. – Нельзя было особо разговаривать, все и со всем были согласны. А здесь я увидела, что человек не то чтобы ничего не боится, но очень убежденно и аргументированно высказывает свое мнение.

К 95-летию Леонида Щемелева Национальный художственный музей организовывал его персональную выставку «Живопись». Открывал ее сам Мастер

Вначале им казалось, что это просто дружба, но взаимная симпатия между ними росла, и вскоре обоим стало ясно, что их судьба – быть вместе. «Не думали о том, что нет ни жилья, ни денег, но как-то сошлись и начали все с нуля, – рассказывала Светлана Щемелева. – Я теперь думаю, что я была молодая, 23 года, и как-то проще к этому относилась. А у него – быт, семья, относительная на то время устроенность, и от этого всего он ушел и начал все сначала так бесстрашно».

Пять лет они спали на полу в мастерской. «Каждый день я мыла пол, потом расстилала какие-то вещи, на которых мы и спали. Это был конец 1960-х, в нашей мастерской собирались художники, музыканты, поэты. Споры, дымовая завеса, спиртное лилось рекой», – вспоминала жена художника.

Из свободной, разгульной жизни не так легко выходить. И, может быть, если бы не Светлана Николаевна, мы бы не знали того Щемелева, которого любим и чтим. «Об этой черной полосе знала только моя мама», – однажды призналась она.

Долгие годы жена живописца проработала преподавательницей физики в Минском художественном училище, и все эти годы Щемелев ее рисовал. Обнаженную. Всякую. Громадное количество самых разных портретов.

– Нельзя же везде совать жену, – возмущались критиканы и ортодоксы.

Но он никого не слушал.

На выставках студенты художественного училища теряли дар речи от созерцания наготы своей учительницы.

Он рисовал детей, внуков, любимую собачку – всех вместе и по отдельности – и хранил эти картины у себя в мастерской, но с удовольствием показывал.

«Увидела, что человек не то чтобы ничего не боится, но очень убежденно и аргументированно высказывает свое мнение».

Шли годы, менялся его стиль, его живопись становилась все более и более утонченной, особенно в пейзажах и натюрмортах. Но это все тот же Щемелев, чей творческий почерк невозможно ни с кем перепутать. Безупречный в рисунке и при этом не озабочивающийся невротической тщательностью в проработке деталей. Сочный и красочный, но всегда приглушенный, с легким флером тумана и грусти. Цветомузыка, как сказал о его живописи Крепак.

Особенно хороши в этом смысле его снежные (и нежные!) зимние пейзажи. Белизна без единого белого мазка, рождающаяся из синего, голубого, зеленоватого, пурпурного.

– У него свет, свет и еще раз свет. Любовь к тому, что он видит в мире. Там и черноты много, конечно, но он черноту не видит, не хочет видеть. Нет у него черных красок, как и у импрессионистов. Они старались избежать черных красок, – говорил Борис Крепак.

На мой взгляд, чернота в его картинах все же есть, но она никогда не довлеет, даже если ночь, даже если война. Так же, как и солнце на его полотнах никогда не сияет в полную силу. Мудрый, он во всем знал меру, потому и прожил почти сто лет в ясности и здравии, в неустанной работе над своими полотнами и над собой, в окружении близких людей.

– Щемелев – очень современный художник, – убежден Владимир Рылатко. – Но когда находится в галерее рядом с Шишкиным, ему не противоречит и прекрасно с ним уживается, потому что очень богат эмоциями – как Сарьян.

Я сказала бы, эмоциями благородными и сдержанными. В них прохладность белорусских небес и обжигающая льдистость Исlochи.

«Я белорус южный, а Щемелев – северный, поэтому он холодный, а я теплый», – говаривал народный художник БССР Гавриил Ващенко, близко друживший с нашим героем долгие годы.

Но многие помнят, как в перестроечные годы Щемелев нещадно грошил бездарей, торговавших своей карикатурной абстракционистской мазней в сквере напротив консерватории. Подобной живописи он не терпел.

Есть у Щемелева удивительная картина – «Будто во сне». В ней сплелось все: и конь, и шагаловские влюбленные, летящие в поднебесье, и его

Будто во сне. Холст, масло. 1995 год

В церемонии гашения конверта и марки, выпущенных к 100-летию Леонида Щемелева, участвовали директор Музея истории города Минска Галина Ладисова, первый заместитель министра культуры Валерий Громада, начальник управления культуры Мингорисполкома Виталий Брель, вдова художника Светлана Щемелева и заместитель министра связи и информатизации Анна Рябова

обожаемый Минск, который он с таким вдохновением рисовал.

Глядя на это сновидческое скрещивание стилей, мифов, идей, времен, глубинных чувств и тонкого расчета, постигаешь всю безбрежность щемелевского космоса и его устремленность в будущее. Летящий конь и вторящая ему могучая арка моста, ракетные шпили церквей и сполохи солнца в туманном мареве – как провозвестие, как гимн, как триумф радости и добра, как мощная опора для будущего.

Пора лидерства Щемелева, его расцвета и триумфа, когда художнику поддаются абсолютно все жанры, – 1990-е годы. В 2000-х он с удивительной смелостью экспериментирует, скрещивая натюрморт и портрет, пейзаж и натюрморт.

С рисунков началось и рисунками завершилось. Когда у художника уже не было сил стоять у мольберта, переключился на малый жанр. Все цветы и букеты с дачи, не теряя ни грана своей первоизданной яркости, перекочевывали на острие его карандаша.

– Я с палочкой хожу, но люблю свое дело, захожу в мастерскую и где-то что-то делаю. Или здесь в квартире рисую и пока вижу мир красивым и интересным, – признавался Щемелев в дни своего 95-летия. – Дай Бог, чтобы это продолжалось.

Он ушел из жизни три года спустя, но по-прежнему присутствует в нашем культурном пейзаже.

– Время Щемелева еще впереди, – уверяет Владимир Рылатко.

И я верю ему, хоть в искусстве нет ни времен, ни прогресса. Только солнце над городом, только конь, только влюбленные, летящие по небу в вечность.

P.S.

В канун столетия Мастера в его обновленной галерее, которой он ровно 20 лет назад подарил более шестидесяти полотен, открылась выставка «Леонид Щемелев – зеркало эпохи». Первое из шестнадцати больших юбилейных мероприятий почтило вниманием руководство города, Министерства культуры и творческих союзов. Многочисленные посетители, как замороженные, бродили среди полутора сотен щемелевских картин, сияющих как солнце в утренней дымке, камерных и вместе с тем монументальных. Думаю, художник был бы счастлив, как счастливы мы, пришедшие и причастившиеся.

Юлия АНДРЕЕВА

Фото Национального художественного музея Республики Беларусь, БЕЛТА и из открытых источников